

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**ВОРОВСКОЙ
ДНЕВНИК**

Москва

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова, Г. Саукова*

Иллюстрация на переплете *Ю. Щербакова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Воровской дневник / Николай Леонов, Алексей Макеев. —
Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-160600-8

Полковник МВД Лев Гуров берется помочь девушке Даше, которая осталась сиротой и до восемнадцати лет воспитывалась в детдоме. Уже взрослой, Даша случайно нашла дневник покойной матери, из которого стало известно, что та серьезно опасалась за свою жизнь. Что же держало в страхе женщину, работавшую простой медсестрой? Гуров выясняет, что ее смерть стала итогом серьезной криминальной разборки, в которой Дашина мать играла далеко не последнюю роль...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160600-8

© Макеев А.В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Воровской дневник

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Стараясь не дышать, она медленно сделала пару шагов. Одна из старых половиц предательски скрипнула под ногой, и Даша замерла от ужаса. Стук в дверь затих, но девушка точно знала, что Иван ждет ее там, в обманчивой тишине подъезда, вслушивается в каждый звук, раздающийся за тонкой деревянной перегородкой.

Этот скрип ее и выдал. Иван с удвоенной силой забарабанил в дверь, добавляя теперь и удары ногами. Тонкая филенка с ободранным дерматином дрожала от напора и готова была вот-вот вылететь из косяков.

От страха девушка сжалась в комок и подумала, что хорошо было бы сейчас исчезнуть, стать невидимой, совершенно незаметной. Ужас липким потом выступил на ее спине, запульсировал кровью в висках, пересушил горло и прилепил язык к небу. Ей хотелось пить, но в квартире уже давно были отключены вода и свет. Поэтому Даше пришлось бы сделать несколько шагов по коридору, зайти в крошечную кухню и набрать воду из ведра старым ржавым ковшом. А это новые предательские скрипы и прочие звуки.

Грохот на лестничной площадке остановило возмущение соседки, которая приоткрыла дверь своей квартиры и принялась кричать на разбушевавшегося парня:

— А ну пошел отсюда, хулиган! Я полицию вызвала, сейчас упекут тебя в каталажку. Перестань дверь ломать! Там не живет никто уже десять лет, красть нечего!

Угрозы подействовали. Раздались тяжелые шаги по ступенькам, хлопнула дверь подъезда, но Даша все так же стояла без движения в темном коридорчике своего нового жилья. От

страха она стала словно ватной, тело не слушалось ее, а в голове плавал туман.

Девушка не могла понять, как долго это продолжалось. Пять минут или полчаса? От ужаса, сковавшего ее, мысли в голове Даши двигались медленно, словно в вязкой холодной каше, которую она ела по утрам в детском доме. Даша всегда боялась громких звуков, от криков замирала с остановившимся взглядом и словно отключалась от внешнего мира, пугающего ее.

Наконец-то она смогла вздохнуть, а потом и шевельнуться. Девушка маленькими бесшумными шажочками дошла до кухни, но воду набирать не рискнула, лишь прильнула сухими губами к ледяному озерку в эмалированном ведре, поднятом с пола.

За то время, что она провела в детдоме, из мебели в квартире остались одинокий колченогий табурет на кухне да продавленная раскладушка в комнате. На окне вдоль разошедшей старой рамы растянута тюль с огромными прорехами, грязная от многолетней пыли.

В одну из этих дыр Даша осторожно заглянула, высматривая своего буйного гостя во дворе. Но парня нигде не было видно. На яркой пластиковой горке двое малышей катались под присмотром высокой пожилой женщины, подросток выгуливал собаку. Вполне мирная картинка обычного московского дворика, прилипшего к старой пятиэтажке.

Девушка убедилась в том, что опасности нет, и ее мучитель ушел, а потом лихорадочно принялась собираться. На стареньком разбитом телефоне уже светились цифры 9.25, а ей еще предстояло пешком добираться до театра, потому как денег на проезд у нее не осталось. Но попасть туда нужно обязательно. Ведь сегодня ее второй рабочий день в костюмерной театра. Если она будет стараться, то уже через две недели получит первую зарплату, которая поможет ей наконец-то вылезти из жуткой долговой ямы.

После выхода из детского дома ей было приятно вернуться в родную квартиру, где она прожила до смерти мамы и бабушки. Радость продлилась ровно до того момента, когда Даша осознала, что денег у нее нет ни на что, даже на еду. Как и где

искать работу, она не представляла. Чтобы в квартире было тепло, светло и комфортно, ей необходима кругленькая сумма в несколько сотен тысяч. Такие деньги девушка в руках никогда даже не держала.

Ситуация с каждым днем становилась все тяжелее. Долги по-прежнему росли. Даша часто проводила весь день без крошки во рту.

Наконец-то у нее появилась возможность заработать хотя бы на кусок хлеба. Потерять это место было никак нельзя.

Собиралась она быстро, смочила в ведре прохудившееся полотенце и протерла лицо, натянула джинсы, футболку и тоненькую ветровку. Теперь можно было бежать.

Перед выходом Даша покосилась на огромную коробку, в которой хранились вещи мамы и бабушки. При переезде она дала себе слово, что сегодня, в день своего рождения, она откроет ее и узнает, что же там ждало ее целых десять лет. Но времени на приятный сюрприз для себя уже не оставалось. Пешком до театра ей надо было идти больше получаса.

Она осторожно щелкнула замком, выглянула из-за двери, прислушалась к тишине в подъезде. В гулкий коридор из квартир долетали лишь самые обыденные звуки. Тявкала собачонка, плакал ребенок, играла музыка по радио.

Успокоенная девушка торопливо вышла из дома, по асфальтовой дорожке, знакомой с детства, пробежала через двор, обогнула чахлые кустики, по тропинке, вытоптанной сотнями ног, пошла через гаражи.

Этот путь знали и использовали много лет все местные жители, чтобы не обходить длинные дома, которые по замыслу архитектора слились в одну стену. Куда удобнее пройти по тропинке, тянущейся между десятком старых металлических ракушек и густых кустов, и оказаться на оживленном проспекте буквально за пять минут.

Много лет назад коммунальщики начали было обустривать эту территорию, но вскоре потеряли интерес к захлавленной заплатке земли, зажатой между домами. В наследство они оставили большую ржавую трубу канализации, которую

невесть зачем провели над землей, бетонные блоки с арматурой, торчащей из них, и основания электрических столбов.

На ходу девушка прикидывала, как потратит первую зарплату. В голове у нее громоздилась куча планов. Ей нужно было погасить огромный долг по коммунальным платежам, обеспечить включение воды и света. После смерти матери, а потом и бабушки Дарья десять лет провела в детском доме. Квартира все это время пустовала. Но для коммунальных служб существуют не люди, а лишь счета и документы. Так что к своему возвращению в родную квартиру Даша помимо голых стен получила и солидный долг, до оплаты которого ей приходилось жить без электричества, отопления и воды.

Все деньги, которые у нее были при возвращении, она потратила на памятники и оградки для могил матери и бабушки. Сумма тоже оказалась астрономической, пришлось даже занять половину у Ивана, давнего знакомого. Для девушки это было так важно, что она согласилась и на огромные проценты займа, и на квитанцию с кучей нулей, которая была ей выдана в ритуальном агентстве.

Ради этих памятников она вставала рано утром и шла на свою первую работу, в цветочный киоск. Девушка дрожала от сырости в прохладном помещении, тонкими пальцами перевязывала упругие стебли, робко улыбалась покупателям и старательно записывала выручку в рыхлую тетрадь каждый вечер перед закрытием.

В конце месяца вместо ожидаемой суммы ее ждал удар. Владелец киоска, пузатый жилистый Артур, заявил, что у новенькой работницы огромная недостача. Поэтому она не получит ни копейки, даже больше того, должна будет отработать бесплатно еще две недели. Даша тогда попыталась что-то возразить, но в ответ обрюзгший мужчина в пестрой рубашке, с толстым золотым браслетом на пухлой руке, принялся орать на нее, тыкать волосатым пальцем в тетрадь.

От его криков Даша привычно застыла. В ее голове теннисным мячиком прыгала мысль о том, что не зря математика всегда называла ее деревяшкой. Цифры в сознании девушки обычно путались и сливались в кучу. Она тогда без единого слова выбежала из киоска. Лишь бы не слышать мужского

визгливого голоса, который прижигал ее до боли, словно удары кнута.

При таком вот обидном воспоминании в горле у Даши застрял комок, а глаза защипали слезы.

В детском доме за этот ступор при крике, плач при любой ссоре или драке ее прозвали Квашней. Эта обидная кличка прилепилась к ней на все долгие годы сиротской жизни в детском доме. Даша ненавидела ее, но изменить себя не могла. Во время любого конфликта из глаз у нее начинали литься огромные соленые капли.

Ее частое дыхание вдруг сбилось от резкого удара в плечо. Хрупкая девушка отлетела к железной стене гаража. В следующую секунду грубая ладонь крепко зажала ей рот.

— Ты чего, Квашня, дверь не открывала? Меня чуть в ментовку не забрели из-за твоей соседки. Я же знал, что ты дома. Если бы не старая карга, то вынес бы в два счета фанеру в твоей халупе, — прошипел ей в лицо Иван, ее давний знакомец.

Этот парень жил с ней в одном детском доме, но был на четыре года старше. Так что пока Дарья оканчивала швейное училище, он успел набраться знаний в уличном университете. Встретились они случайно возле местного супермаркета. Ванька калымил там грузчиком, а девушка забежала туда за дешевым рассыпным чаем, который спасал ее от холода в промозгом цветочном киоске.

С тех пор Ванька регулярно заходил к старой знакомой на работу, угощал сладкими булочками из этого же супермаркета, веселил рассказами об ушлых продавщицах и недотепистом старом охраннике, который не замечал его мелких краж. Был он парнем крепкого телосложения, с широким скуластым лицом, на котором выделялся перекошенный в частых драках нос. Глубоко посаженные глаза, множество мелких шрамов, а главное — пугающая улыбка, демонстрирующая редкие обломки зубов, делали его внешность отталкивающей. Детдом и бурная жизнь в уличных подворотнях добавили Ивану неприятный бегающий взгляд и речь, пересыпанную трехэтажным матом.

Но других кандидатур для общения у Даши не было, так что с каждым днем она все больше привыкала к внешности

и манерам этого парня. А когда он сам предложил ей денег в долг, она была в таком восторге, что повисла у спасителя на шее и поцеловала его в знак благодарности.

Но через две недели после щедрого поступка все изменилось. Как только Даша не смогла вернуть деньги, Ванька мгновенно показал темную сторону своей натуры. Его заботливое отношение к ней испарилось, он превратился в жуткого монстра. Каждый день он звонил Даше, караулил ее у квартиры, говорил о растущем долге и требовал возврата денег.

На все попытки девушки объяснить, что ее обманули с расчетом и она теперь ищет работу, этот тип отвечал крайне грубо. Он со вкусом излагал, как переломает своей должнице ноги, порежет лицо и подожжет волосы, если она не начнет возвращать ему занятые деньги прямо сейчас. От таких угроз Даша впадала в ступор. По ее бледному личику ручьем текли слезы.

Вот и сейчас Ванька зажал ей рот рукой, прижался к уху и принялся вполголоса бубнить:

— Бейсбольной битой переломаю ноги так, что ты всю жизнь будешь в коляске ездить, глаза тебе выткну. Чтобы завтра деньги были, поняла?

Со стороны они выглядели как влюбленная парочка, которую обуяла страсть в укромном уголке зеленых зарослей. На тропинке мелькнула женщина с коляской, но только окатила их неприязненным взглядом и исчезла между кустов, растущих возле детской площадки.

От страха Даша не в силах была закричать или замотать головой.

Парень поднес горящую зажигалку близко к ее широко раскрытому глазу:

— Сожгу тебе скальп, будешь лысая безногая уродка. Поняла, Квашня? Завтра чтобы открыла дверь! — Не дожидаясь ответа, парень убрал руку и рывком швырнул Дашу на обломки кирпичей, валяющиеся возле гаражной стены.

После этого он развернулся и пошел, не оглядываясь на худенькую фигурку, лежащую на земле.

Даша с трудом поднялась на ноги. Джинсы оказались перемазаны в грязи, на ладони кровоточила свежая ссадина. Она на автомате двинулась по тропинке.

В ее голове, среди вязкого тумана страха пульсировала одна только мысль:

«Мне нельзя опаздывать».

Она все-таки опоздала.

Костюмерша мазнула взглядом по бледному лицу и измазанным джинсам, а потом недовольно буркнула:

— В туалете приведи себя в порядок, после этого бери отпариватель и утюг. Вот три платья на вешалке. Их надо отгладить. Если где оторвалось кружево, то пришей его. К обеду ты непременно должна закончить. У них репетиция в костюмах будет.

Даша кивнула торопливо, бросилась в коридор и тут же потерялась. Вчера костюмерша показала ей, где находится уборная, но сегодня темные рукава закулисья показали девушке лабиринтом. Она долго бродила, путалась в дверях и табличках, пока наконец не увидела уборщицу с полным ведром воды.

Обратно она дошла быстрее. В костюмерной уже вовсю кипела работа, и Даша лихорадочно схватилась за шланг отпаривателя. Плотный бархат плохо разглаживался, густые кружевные воланы упрямо топорщились некрасивыми заломами. Даша перенесла платья поближе к гладильной доске, где с помощью влажной марли и утюга наконец-то смогла выровнять роскошный воротник и манжеты.

В теплой комнате вполголоса переговаривались женщины, мерно тикали часы, тихо шуршала ткань нарядов.

Девушка сноровисто подшила оторвавшийся подол, потом отпарила второе платье и принялась выглаживать шелковый пояс на третьем. От тихих звуков и тепла в ее животе растаял комок страха. Она согрелась впервые за долгое время.

Из-за отключенного отопления по ночам Даша не могла уснуть под тонким покрывалом, ворочалась с боку на бок, потирала друг о друга заледеневшие ступни и ладони. Днем согреться тоже не получалось. Из детского дома она вышла с

тощим чемоданчиком. Тамошние девчонки вечно оттирали покорную Квашню в сторону при раздаче одежды. Если ей и доставалась иной раз хорошая вещь, то дерзкие сиротки без боя забирали у безответной Даши все, что им приглянулось.

В квартире после заселения она обнаружила лишь плед, проеденный молью, в который она куталась днем и ночью. Ледяные стены, ветер из щелей деревянных рам не давали ей покоя ни на минуту. Несчастной девушке оставалось с прикрытыми глазами мерить квартиру шагами, замирая на секунду в полудреме.

От жаркого воздуха в костюмерной глаза у нее начали слипаться, боль в ладони затихла, все тело налилось приятной слабостью. Она забылась, провалилась в сон.

И тут из-за резкого крика ее как пружинной подбросило. Девушка открыла глаза и сразу же увидела, почему визжит костюмерша. На зеленом шелковом платье под острым носиком утюга расплывалась дыра со сморщенными и оплавленными краями.

Костюмерша выхватила утюг из ослабевших рук Даши и зазвенела высоким голосом:

— Ты что наделала? Через полчаса репетиция, а ты на платье прожгла дырищу! Это же шелк! Ты что творишь! У тебя совсем мозгов нет!

Девушка не в силах была прошептать даже просто извинение.

Дородная костюмерша сгребла платье, с силой пихнула его ей в руки и за рукав потянула за собой по коридору театра.

Перед белой дверью с табличкой она остановилась, подтолкнула стажерку в спину и заявила:

— Вот иди и сама разбирайся, объяснишь Строевой, как ты ее платье перед премьерой сожгла. Иди, иди, извиняйся, а то молчит, в рот воды набрала.

Но девушка оцепенела от такой вот беды.

Ее вялый, совершенно безвольный вид окончательно вывел костюмершу из себя. Она распахнула дверь и одним рывком, прямо как кутенка в воду, протолкнула несчастную Дашу в примерную знаменитой актрисы.

Сама же костюмерша поспешно удалилась. Эта особа вполне понимала, что с ее стороны было глупостью доверить глажку платья перед премьерой неизвестной стажерке, которую она видела второй день. Но от общего волнения из-за подготовки нового спектакля она не в силах была сдерживать порывы гнева, а тут под руку ей попала безответная девушка.

Пару дней назад эта особа поддалась на уговоры своей приятельницы, согласилась взять на работу бедную сироту. Соседка по даче преподавала в швейном училище и уговорила ее попробовать Дарью в костюмерной театра, заявила, что эта девчонка отличается ответственностью и золотыми руками.

На деле же сразу приключилась неприятная история. Театральные сплетницы разнесут ее по всем примеркам максимум за час, ни за что не упустят такой возможности.

Костюмерша работала здесь добрый десяток лет и не понаслышке знала, как любят театральные дамы обсудить каждую деталь закулисной жизни. От досады она дернула плечом и нахмурила брови. Девица оказалась безрукой, да еще и невоспитанной, даже не попыталась извиниться за испорченный костюм. Если директор решит уволить эту нерадивую неумеху, то туда ей и дорога.

В этот момент Даша застыла с платьем в руках в небольшой примерке. Горло ее сдавливали рыдания, так и рвущиеся изнутри.

Красивая женщина, сидевшая перед зеркалом, повернулась в ее сторону и проговорила приятным теплым голосом:

— Принесли? Вот и отлично! Поможете мне его застегнуть сзади. Там множество вредных пуговиц. — Актриса поднялась, подошла к Дарье и вытянула платье из ее рук. — Ах! Оно же прожженное, — Мария Строева с удивлением рассматривала дыру на выглаженном платье. — Зачем вы его принесли?

Голос актрисы был таким нежным, что Даше захотелось ей все объяснить, рассказать, что она не выпалась и замерзла, а здесь ей стало тепло. Это произошло случайно, и она может все исправить. Но губы не слушались ее, а в горле словно застряла кость.

Мария окинула взглядом девушку, трясущуюся от волнения, увидела немую мольбу и страх в ее глазах. Она поняла все без слов и вернулась к зеркалу. Ей срочно надо было закрепить шпильками высокую прическу.

— Под столом картонная коробка, там есть кружева и стразы. Может быть, получится закрыть ими дыру? — сказала Строева.

Дарья торопливо бросилась под стол. От неловких движений коробка подскочила, и все ее содержимое полетело на пол. Пуговицы и бисер покатались в разные углы, раскрылся трескучий веер, ленты и куски кружев раскатились яркими пятнами по всей гримерке. Это стало последней каплей. Слезы, которые она так усердно сдерживала, хлынули ручейком по щекам и шее.

Но руки девушки жили отдельной жизнью. Они ловко ухватили кусок зеленой атласной ленты, одним движением изогнули ее в изящный бант. После этого Даша выхватила из рукава иголку с ниткой и сноровисто скрепила края банта, который плотно прикрыл страшную обугленную дыру. За пару минут испорченный наряд преобразился, даже приобрел легкую кокетливость.

Мария осторожно, стараясь не потревожить прическу, нырнула в платье. Ловкие пальцы девушки помогли ей застегнуть одну пуговицу за другой.

Актриса с удовольствием взглянула на свое отражение в зеркале, улыбнулась и сказала:

— Красиво получилось.

— Спасибо, — еле слышно прошептала в ответ юная стажерка, опустила на колени и принялась собирать обратно в коробку всякую мелочь, рассыпавшуюся из нее.

Мария на пороге повернулась к ней и спросила:

— Как тебя зовут?

— Даша, — ответила девушка еле различимым шепотом.

— Ты можешь, пока я на репетиции, так же украсить вон ту красную шляпу? После отдыха на нашем складе реквизитов она превратилась в бархатный горшок, а мне нужен головной убор миллионерши.

Девушка торопливо закивала в ответ, захватила с собой изрядно помятую шляпу с ободренным пером и вышла из гримерки.

Мария приветливо кивнула ей и сказала:

— Жду тебя в пять вечера.

Дарья робко улыбнулась.

В костюмерной при ее появлении затих гул женских голосов, работницы исподтишка пытались понять, учинили ли новенькой разнос и почему у нее в руках теперь шляпа вместо испорченного платья. По ее отрешенному виду любопытным женщинам совершенно не было ясно, чем же закончилась история с прожженным нарядом.

Одна из них не выдержала и спросила:

— Ну что там? Строева отругала тебя?

— Нет, — внутри у Даши все ликовало от радости. — Все нормально, дырку я заделала. Она вот шляпу попросила отреставрировать.

— Повезло тебе. Маша добрая, голоса никогда не повысит, не обидит, хотя муж у нее мент, — сказала костюмерша, огорченная тем обстоятельством, что эта девчонка все так легко уладила. — Она в два счета могла бы вышвырнуть тебя с работы.

От такого известия сердце Даши ухнуло, но она вспомнила ласковый голос, приветливую улыбку актрисы и сдержанно ответила:

— Она меня попросила в пять часов к ней прийти, помочь с платьем и шляпу приготовить. Где перья можно взять для украшения?

Женщина, которая утром накричала на нее, неохотно поднялась и раскрыла дверцу старенького шкафа, где хранился реквизит со старых спектаклей, в том числе обрезки ткани, перья, украшения, фальшивые драгоценности, искусственные цветы, разноцветные шнуры и пояса. Девушка сноровисто принялась перебирать это сценическое богатство.

Весь день прошел в суете. Сезон в театре начинался с серии премьер. По коридорам сновали взвинченные сотрудники с распечатками ролей, осветительными приборами, фрагмен-

тами декораций. Им не было дела до новенькой и ее ошибок, хватало и своих забот по подготовке сегодняшнего спектакля.

Даша провела рабочее время между гримерной актрисы и костюмерной. Она помогала снимать платье, пришивала отлетевшую пуговицу, закрепляла украшение на шляпе.

Мария задавала ей вопрос за вопросом, делала это спокойно и ласково, без жадного любопытства. Девушка незаметно для себя вдруг рассказала ей обо всем. О смерти матери незадолго до того, как Даше исполнилось восемь, о том, как через полтора года скончалась от сердечного приступа бабушка, как она долгие годы в детском доме мечтала вернуться домой и теперь не знает, каким образом сделать уютнее эти две холодные ободранные комнаты, единственное наследство, полученное от матери и бабушки.

Даже после окончания спектакля Даша не торопилась домой, развешивала костюмы на плечики, тщательно расправляла каждую складку. Ей не хотелось выходить из театра на улицу и бежать в протекающих ботинках по темным холодным улицам, чтобы нырнуть в ледяной квартире под дырявый плед, всю ночь дрожать от озноба, а утром снова замирать с бухающим от ужаса сердцем перед дверью, трясущейся от ударов Ванькиных кулаков. Поэтому она все делала медленно, оттягивала окончание рабочего дня.

Мария Строева сидела перед зеркалом в гримерке, снимала ватным диском грим и возмущенно делилась с мужем:

— Представляешь, стоит эта бедняжка, совсем еще ребенок, и трясется, как заячий хвост. Из-за дырки! Она ведь все исправила за минуту, но какая была испуганная и несчастная. Лева, мне так ее жалко. Ей всего девятнадцать лет, а девочка должна зарабатывать деньги, оплачивать квартиру, кормить себя. Совсем несмышлениш, который дальше школьной парты ничего не видел в этой жизни! Ты бы знал, как она была рада, когда я ее похвалила. Казалось, сейчас завилает хвостом, как щенок.

Гуров с удовольствием смотрел на то, как с каждым движением ватного диска вульгарная дама полусвета превращалась в его милую, такую родную жену.

— Лева, ты меня слушаешь? Что ты улыбаешься? Это же так печально. Мне безумно жаль эту девочку! — проговорила Мария и принялась застегивать сапоги.

Лев Иванович галантно помог ей надеть пальто, перехватил огромный букет, полученный от поклонников. Они двинулись по затихшим темным коридорам театра на парковку, к машине.

Лев Иванович всегда старался забрать жену после вечернего спектакля, если, конечно, его работа старшего оперуполномоченного по особо важным делам давала ему такую возможность.

Автомобиль мягко выруливал на дорогу, когда свет фонаря выхватил из темноты девичью фигурку, проходящую мимо.

— Вот она, та девочка Даша, Лева. Остановись, давай ее подвезем. — У Марии от сострадания опустились уголки губ.

Гуров послушно притормозил.

Знаменитая актриса опустила стекло и позвала девушку:

— Даша, это я, Мария Строева. Помнишь, мы сегодня познакомились?

Та беззвучно шевельнула губами и кивнула.

— Садись, мы тебя подвезем. Холодно же, да и поздно уже одной по городу идти. Ты далеко живешь?

— Полчаса пешком, у поликлиники, — девушка от холода с трудом говорила, губы у нее стали синеватого оттенка, а зубы отбивали дробь.

Она послушно нырнула в салон и осторожно опустилась на краешек заднего сиденья.

Лев Иванович молча кивнул. Дескать, да, я знаю, где это. До дома Даши они доехали за пятнадцать минут. В ответ на все вопросы своей новой знакомой девушка только кивала. Ей никак не удавалось остановить дрожь от холода.

— Что у тебя на ужин? — Мария старалась задавать нейтральные вопросы.

По одежде девочки она понимала, что та живет в отчаянной нужде.

— Торт, — неожиданно соврала Даша и тут же вздрогнула от стыда.

Но еще тяжелее ей было бы признаться в том, что дома у нее нет ни крошки еды. Мария ей нравилась своим ласковым голосом и спокойными манерами. Ее муж вел автомобиль очень ровно и аккуратно.

«Мент», — мелькнула у нее в голове сегодняшняя характеристика, услышанная от костюмерши.

— Торт на ужин? У тебя сегодня праздник? — спросила новая знакомая и улыбнулась.

— День рождения. — Даша и сама не поняла, как эти слова выпрыгнули из ее рта.

Может быть, это произошло потому, что Мария ласковым обращением напомнила ей мать. Или же девушке хотелось, чтобы хоть кто-нибудь в этом мире знал, что у нее, у Даши, сегодня день рождения.

— Поздравляю! Как бы мне хотелось торт на ужин, но такую роскошь я позволяю себе раз в месяц. — Мария перебирала варианты, решала, что же такое можно подарить прямо здесь и сейчас этой одинокой девочке.

Уже когда Даша захлопнула дверь автомобиля, Мария вышла на улицу и вручила ей роскошный букет со своей премьеры.

— Это тебе. С днем рождения! — сказала женщина и слегка коснулась ее щеки губами.

Даша оторопела от неожиданности, смогла только кивнуть и на деревянных ногах дойти до подъезда.

Пока его спутницы прощались, Лев Иванович осматривал двор. По многолетней профессиональной привычке он везде и всегда отмечал подозрительных личностей, оценивал безопасность обстановки.

В квартире девочка поставила в единственное ведро с водой букет, вдохнула аромат пышных роз и улыбнулась впервые за сегодняшний день. Она малюсеньким перочинным ножом вскрыла коробку с вещами матери, потянула крышку вверх и замерла. На куче документов и тетрадок лежала ее старенькая игрушка, вытертый плюшевый медведь с разными глазами. Один из них был белый, из пуговицы от старого мамино рабочего халата, а второй — синий.

Даша схватила медведя, сделала два шага и опустилась без сил на старенькую раскладушку. Слезы, которые она так старательно сдерживала весь день, хлынули очищающим водопадом. Она плакала, вспоминая о торте, который мать пекла ей каждый день рождения, прикасалась пальцем к синей пуговице от того самого платья, в котором строгая и бледная мама лежала в гробу, вдыхала нежный аромат духов Марии Строевой со своей щеки. Рыдания скручивали ее тело, выталкивали скопленную боль. Уже через пятнадцать минут Даша, обессиленная долгим днем, крепко спала.

На другом конце Москвы знаменитая актриса думала о несчастной девушке. Мария сосредоточенно вытаскивала из шкафа вещи, складывала их в огромный пакет.

— Я в машину на пять минут, забыл там ежедневник, — донесся из коридора голос мужа, но женщина лишь кивнула в ответ.

Когда Лев Иванович вернулся с яркой коробкой в руках, свет в спальне уже не горел. В коридоре громоздился пакет с теплыми вещами и обувью, которые сердобольная Маша собрала для новой сотрудницы театра.

Гуров прошел на кухню и уже собирался поставить коробку в холодильник, как на пороге показалась сонная жена, укутанная в теплый халат.

— Ты где был так долго, Лева? Что это?

— Машенька, ты же сказала, что хочешь поужинать тортом. Я съездил в ночной супермаркет. Ты торт последний раз ела на дне рождения у подруги в прошлом месяце, значит, уже можно снова полакомиться. У меня все записано в голове. Вот я и купил твой любимый.

Мария улыбнулась, включила чайник и прижалась к широкой груди мужа.

Глава 2

Утром, ища спасения от противного холода, Дарья вернулась в тонкий плед. Из-за дрожи она больше не смогла спать и принялась просматривать содержимое коробки с бумагами.

В основном это были ее школьные тетрадки, старые газеты, бабушкины выкройки из журнала.

Пухлую тетрадь с черной обложкой она уже отодвинула в сторону, когда та раскрылась на середине. Несколько первых страничек маленькая Дарья исчеркала фломастерами, но дальше все было покрыто густым убористым почерком матери. Она помнила его с детства, когда мама брала ее с собой в стоматологическую клинику, где работала медсестрой и имела полставки в регистратуре. Девочка с интересом рассматривала и копировала ее записи на бланках назначений или склеивала из старых листов медицинские карты пациентов, которые потом плотно изрисовывала каракулями.

Она всмотрелась в знакомые косые буквы, силясь в тусклом предрассветном свете прочитать то, что там было написано. Это оказался дневник ее матери с датами и описаниями событий их тогдашней жизни.

«16 марта

Сегодня Ж. приходил поздно вечером, так как ему нельзя с ней видеться. Взял на память ее рисунок, когда уходил, напугал меня рассказами о разборках. Мне кажется, что он был испуган, даже заплакал. В темноте не было видно, но когда мы обнимались, щека у него была мокрой.

24 марта

Мама и Даша ушли в детский театр, а потом на прогулку в парк. Ж. приходил ко мне, и мы провели с ним почти весь день. Я не утерпела, когда мы лежали в постели, сказала, что мечтаю о нормальной семье, хочу проводить вот так каждый выходной. Он ужасно кричал, даже, кажется, хотел меня ударить. После его ухода я долго плакала, выпила бутылку вина. Зря я надеялась, что он изменится, когда решила рожать ребенка. Короновали его на последней ходке, еще до рождения Даши. Он мне объяснял, что ему нельзя заводить детей. Дурацкое правило!

3 апреля

Крупно поругались с Ж. Я предложила ему написать завещание на Дашу, чтобы квартира и дача достались ей. Но он

накричал на меня. После его ухода мама плакала и умоляла меня больше с ним не общаться. У нее заболело сердце, мне пришлось вызвать «Скорую».

10 апреля

Мама лежит в больнице, Дашка сопливится. Приходится мне таскать ее на работу с собой. В детский сад медсестра, та еще стерва, не пустила. На больничный Ж. не разрешает мне уходить, ему нужны пациенты.

12 апреля

Вечером, когда мы почти уснули, пришел Ж., принес (тут одно слово было жирно зачеркнуто). Пришлось мне оставить Дашу одну, чтобы помочь ему. Он волновался, жаловался на слезку. Менты или конкуренты, Ж. и сам не знает. Достала меня такая жизнь!

20 апреля

Кажется, он был прав насчет слезки. Я тоже стала замечать, что за мной ходит подозрительный тип. Может быть, я просто схожу с ума из-за того, что спрятала?

1 мая

Ходили с мамой и Дашей на демонстрацию. Как же было хорошо. Сфотографировали Дашу с воздушным шариком. Она такая красивая, моя малышка. После прогулки маме стало плохо. «Скорая» ехала почти час. Мне стало очень страшно. Если мама умрет, то как я буду жить с Дашей? На Ж. можно не надеяться. Он скрывает, что у него есть дочь и жена. Последнее время похож на загнанного зверя, приходит только ночью. Все разговоры про деньги и драгоценности, больше ни о чем. Он словно обезумел, обрабатывает пациентов почти каждый день. Если бы я могла все изменить, то не стала бы с ним знакомиться в том ресторане.

15 мая

Отправила Дашу с мамой в дом отдыха. Предложила Ж. пожить у меня это время, но он отказался. Долго отпирался, а потом признался, что за ним и мной слежка. Но он не знает, кто это делает и зачем. Бандиты или милиция. Мне страшно.

Если вдруг все вскроется, то как мама и Даша будут жить дальше? У мамы плохое здоровье, я должна позаботиться о своей малышке. Я лишила ее отца, из-за моей глупости она может лишиться матери.

17 мая

Мы почти не бываем вдвоем. Он приходит с охраной или появляется кто-то с очередной посылкой. Я хотела бы остановить все это, но не знаю, как такого добиться.

31 мая

Я все решила, сделала так, как запланировала. Теперь я уверена в том, что за мной слежка круглые сутки. Ночью, когда я выходила из дома, очень было трудно оторваться от этого неприятного типа. У меня все получилось. Я жутко устала жить с этим постоянным страхом.

6 июня

Моя девочка, если ты сейчас читаешь это, то знай, что я люблю тебя больше всего на свете. Я позаботилась о тебе. Помнишь, мы читали сказку о сокровищах Аладдина? Так вот, я приготовила такое же сокровище для тебя. Эту песню я пела тебе каждый вечер перед сном. Теперь в ней кое-что зашифровано. На твоём конфетном месте для тебя приготовлен сюрприз.

Прекрасная ночь,
Иди на восток,
Там бурный поток
Уносится прочь.

Три шага вперед,
Цыплячий прыжок,
Тройной поворот
И полный вперед.

Ты всегда была очень умной девочкой, поймешь меня.

12 июля

Сегодня мне приснился странный сон. В комнату вошла моя мама, взяла меня за руку и сказала, что нам надо идти. Я поце-

ловала спящую Дашку и вышла за дверь. Шла и плакала, знала, что буду скучать по ней. Из-за этого дурацкого сна все не в радость, валится из рук. Приходил Ж., не пустила его. Не захотела с ним разговаривать, сказала, что сильно болею и пока не могу ходить на работу. Нужно срочно спастись, пока меня не прикончили. Дашке скоро в школу. Они могут добраться до нее. Надо продать квартиру, переехать в другой город с мамой и Дашей, пока все не рухнуло».

На этой записи дневник обрывался. А вскоре мамы не стало.

Даша помнила, что потом начались занятия в школе, кружок макраме и прочие события. Бабушка в неизменном черном потертом пальто каждый день водила ее в театр или на кружок, чтобы отвлечь от рыданий над мамиными вещами, находящимися в квартире. Рана на душе стала затягиваться, покрываться тонкой пленкой.

Как-то осенью во время уроков учительница при всех похвалила Дашу за искусную поделку из осенних листьев.

Тут в дверь заглянула завуч в огромных очках, поманила девочку к себе и сказала:

— Хворостову забираю по семейным обстоятельствам.

Только вот семьи с той поры у нее больше не было. Мама была убита летом, вскоре после того, как они с бабушкой вернулись из дома отдыха. Через год с небольшим, в сентябре, бабушка умерла от сердечного приступа прямо на ступеньках, у двери подъезда.

С того времени началась ее сиротская судьба, череда приютов и детских домов. Вполне счастливая Даша Хворостова превратилась в вечно плачущую, молчаливую Квашню.

Девушка сидела на полу, погрузившись в воспоминания. Перед ее глазами, словно кадры из фильма, мелькали яркие дни жизни в окружении любящих людей. В реальность Дашу вернула боль. От холода ступни и ладони свело судорогой.

Девушка задергалась от неприятных ощущений и встала, чтобы немного размяться. Из-под кипы бумаг она вытащила черное бабушкино пальто, в надежде согреться просунула руки в рукава, нырнула в его черноту, манящую теплом, но

сразу же вздрогнула от мерзких ощущений. Из всех швов старенького драпа на нее посыпались белые личинки моли, которые долгое время питались этой вещью из ее прошлой жизни.

Даша взвизгнула, с отвращением сбросила разваливающееся пальтишко и бросилась в ванную. Там она стянула одежду и со стоном принялась вытряхивать из нее мерзких паразитов. Как ей было не жаль, но шикарный букет пришлось вытащить из ведра на пол. Водой из-под цветов она кое-как ополоснулась в ледяной ванной, вытерлась единственным полотенцем, снова натянула джинсы и футболку.

Воды в доме не осталось. Даша ходила за ней к старой колонке, расположенной в паре кварталов от дома.

Обратно она шла с трудом. Тонкая дужка ведра больно давила на ладонь, холодная вода выплескивалась через край и обливала обувь.

Но возле дома ведро вдруг стало легким, Даша испуганно обернулась. Ее груз перехватила сильная мужская рука. Перед девушкой стоял Иван, ее мучитель, и улыбался. Он вытянул ведро из ослабевших пальцев и понес его к подъезду.

Даша застыла на тропинке и услышала:

— Ну и чего ты рот разинула, давай помогу.

Девушка нерешительно поплелась за парнем. Из-за этого пальто она попалась прямоком ему в лапы. Теперь отсидеться за дверью не получится. Может быть, начать кричать или постучаться к соседям и попросить их вызвать полицию? Что она им при этом скажет? Мол, этот парень стучится в мою дверь и требует свой долг. У него даже расписка моя есть. Даша будет выглядеть полной идиоткой, снова примется рыдать, а самое ужасное — может опоздать на работу.

Но Иван был на удивление спокоен.

Он поставил ведро, осмотрелся в квартире и заявил:

— Не густо.

Чтобы устоять на ногах, подкашивающихся от ужаса, Даша вцепилась в косяк двери и кое-как выдавила из себя:

— Я завтра все тебе отдам. Я придумала, нашла, где деньги взять.

Парень криво ухмыльнулся, обнажил гнилые зубы.

— Уверена? У тебя тут мышь повесилась, а ты мне завтра в зубах притащишь тридцать косарей? — Он прислонился к стене и небрежно продолжил: — Есть одно дельце. Нужна девка вроде тебя, неприметная. Если мы его обтяпаем, то ты со всеми долгами рассчитаешься, и еще останется на прожитье. — Он кивнул на ее джинсы со следами грязи. — Шмоток приличных себе купишь.

От испуга девушка ничего не понимала, мотала головой и шептала как в бреду:

— Завтра найду и отдам.

— Ладно, смотри сама. Если завтра не будет денег, то я нос тебе сломаю. Поняла? А потом по одному пальцу каждый день буду ломать, пока не отдашь. Кстати, ты меня разозлила вчера, так что на тебе теперь висят тридцать пять косарей. Пятерка сверху за неуважение, — проговорил Иван и сунул ей под нос крепкий кулак со сбитыми костяшками.

Он хотел пнуть по ведру, но взглянул на девушку, трясущую от страха, сплюнул и вышел из квартиры.

Через несколько минут, спотыкаясь на ровном месте, Даша бросилась к телефону, чтобы проверить время. У нее оставалось как раз полчаса. Она криво сунула букет в ведро и заторопилась по знакомой дороге в театр.

В костюмерной ее уже ждал ворох одежды. После ее вчерашнего фокуса с прожженной дырой актрисы наташили сюда кучу старых испорченных нарядов, чтобы новенькая мастерица их реанимировала.

Костюмерша, не особо довольная ее внезапной популярностью, вручила Дарье изрядное количество этого тряпья для подготовки к спектаклю. Но девушка была лишь рада заняться любимым делом. Быстрая сноровистая работа с иглой и нитками помогала ей забыть о чувстве голода. Она уже давно привыкла его не замечать.

Даша с энтузиазмом латала и разглаживала складки нарядов, когда на пороге костюмерной возникла изящная фигура Марии Строевой.

— Доброе утро всем. Привет, Даша. Ты уже позавтракала?

Девушка растерянно заморгала. Она никак не могла вспомнить, что и когда ела в последний раз.

— Людмила Игоревна, я у вас эту девочку украду на полчаса, — весело выкрикнула актриса в глубину помещения, крепкохватила Дашу за руку и повела к себе в гримерку.

Там она вручила ей огромную тарелку с бутербродами, кружку горячего чая и заявила:

— Угощайся. У меня еще торт есть для тебя. Вчера муж купил, а мне нельзя столько сладкого. Потом никакая швея с золотыми руками не поможет, если платью по швам начнет трещать.

Пока девушка ела и запивала угощение горячим чаем, актриса ходила из угла в угол и молчала. Она поднесла огромный пакет поближе к креслу, в котором сидела ее гостья, но все никак не могла собраться с духом.

— Ты только ничего не подумай, Даша, — наконец-то проговорила Мария. Нет, не так. — Я хотела сказать, чтобы ты не обижалась. В твоём возрасте я, конечно же, тоже хотела одеваться красиво, но не всегда имела такую возможность. А вот теперь у меня скопилось много одежды. Она хорошая, нормальная, просто мне уже узковата стала или подобрать комплект никак не могу. Ты не подумай, я все вчера постирала. Если не хочешь, то не надо. — От неловкости актриса путалась, никак не могла подобрать нужные слова, старалась не обидеть девочку своим предложением.

— Вы перешить хотите одежду? — с набитым ртом осведомилась Дарья. — Это я быстро сделаю, только мерки надо снять.

— Нет-нет. — Мария замахала руками. — Там не только одежда, еще замшевые сапожки, колготки и шапка. Их ведь не перешивают. Господи, да что я говорю так непонятно? — Мария вдруг выдохнула, улыбнулась и продолжила: — Даша, я эти вещи принесла тебе. Просто так, в подарок, чтобы ты могла красиво и тепло одеться. Если откажешься, то ничего страшного не произойдет, я пойму.

Даше понадобилось несколько секунд, чтобы понять смысл слов Марии.

Она неуверенно взглянула на огромный пакет, приткнувшийся возле кресла, и спросила:

— Это все мне?

— Да, конечно, забирай. Если хочешь, можешь отдать кому-то или выкинуть. В общем, это твое, — проговорила знаменитая актриса и протянула Даше пакет с вещами.

Девушка как замороженная вытянула оттуда коробку с теплыми сапожками, лежащую сверху, открыла крышку, провела пальцами по нежной замше и спросила:

— А можно, я их надену прямо сейчас?

В старых ботинках после ведра с водой неприятно чавкало, а мягкое нутро сапожек манило своей теплотой.

В ответ Мария мягко улыбнулась и ободряюще кивнула. Мол, давай, действуй.

Даша скинула свои ботиночки, растрескавшиеся по швам, влезла в теплую обувь, потом неуверенно вытянула из пакета мягкий свитер и нырнула в его уютные объятия.

— Тебе очень идет, — сказала Мария и похлопала по толстой пачке стандартных листов бумаги. — Извини, мне теперь надо учить роль. Забирай торт, угостишь всех в костюмерной.

Даша появилась там в обновках, с пакетом и коробкой торта в руках, чем вызвала среди сотрудниц завистливый шепот. Но к середине дня женщины успокоились и даже позвали девушку с собой обедать за общий стол. Она стеснялась и отказывалась, но ей тут же наложили полную тарелку домашних котлет. От голода, подступившего вновь, Дарья не смогла удержаться и первую котлету запихала в рот целиком.

— Строева опекать тебя взялась? — Костюмерша лениво прихлебывала чай из большой кружки, примеряясь к большому куску торта. — Повезло тебе. У нее муж в полиции шишка. Может, пристроит тебя на какое-то место, где денег побольше, чем у нас. Ты спроси у нее, не стесняйся. Язык-то у тебя не самый бойкий, а зря.

Женщины тут же наперебой загалдели, принялись рассказывать истории о том, как их родственники попадали на хорошие должности через связи и знакомства.

Даша же принялась за вторую котлету и опустила голову. Ей было приятно, что за последние сутки Мария Строева сде-

лала для нее столько всего хорошего. А ведь она, кажется, даже не сказала в ответ спасибо. Теперь еще и просить ее мужа об услуге. Это вряд ли. Если только...

Девушка весь день обдумывала свое решение, примеряла, как же лучше это сделать. Она то ругала себя за наглость, то пугалась, что в ответ услышит насмешку. Или же Мария просто покачает головой и глянет на нее с осуждением.

Она несколько раз заходила в гримерную, но там все время были другие актеры или помощник режиссера. Ей никак не удавалось застать Строеву одну.

После спектакля девушка замерла возле черного входа. Из дверей вынырнула стайка веселых актрис, и Дарья робко шагнула к одной из них.

Мария сразу ее узнала, махнула коллегам и сказала:

— Девочки, до завтра. За мной муж сейчас приедет. — Она тут же шагнула навстречу своей новой знакомой и спросила: — Что-то случилось, Даша?

Непослушные губы в очередной раз подвели ее, они шевелились, но вместо предложений выдавали непонятную кашу:

— Мне хотелось, я думала... Извините, это некрасиво, так просить. Но моя мама написала в дневнике. Я все прочитала и... — От собственной неуклюжести девушка застыла на половине фразы.

Но Мария, как и всегда, была снисходительна.

Она махнула перчаткой в сторону святящихся окон небольшого кафе и сказала:

— Идем в это заведение. Там подают чудесный чай на травах с капелькой бальзама. Расскажешь мне, что случилось.

В кафе Дашу бил озноб. В новых сапожках и свитере ей было даже жарковато, но нервное напряжение проявляло себя таким вот образом.

Она попыталась взять чашку, но руки ее ходили ходуном.

— Ты что-то хотела рассказать мне о своей маме, — подсадила девушке ее собеседница.

— Да, хотела. — Даша сама удивилась тому факту, что ее слова вдруг сложились в нормальную речь. — Моя мама погибла много лет назад. Я тогда была еще маленькой. Потом

умерла бабушка. В квартире, которая мне перешла по наследству, есть мамины вещи. Я сегодня прочитала ее дневник. Там она пишет, что за ней следят, могут ее убить. Так потом и случилось.

— Понятно. А ты не знаешь, убийца твоей мамы найден? Полиция его задержала?

Даша покачала головой и ответила:

— Я ничего не знаю. Бабушка мне не рассказывала. После ее смерти меня сразу забрали в приемник-распределитель, затем перевели в детский дом. О том, что маму убили, я слышала только от детей во дворе. Я спрашивала у соседей, но они тоже не в курсе. Вы можете помочь? Мне в театре говорили, что ваш муж — важный начальник в полиции. Я просто хочу узнать, что произошло с моей мамой. Для меня это главное всего на свете.

— Важный начальник? — Мария удивленно вскинула бровь. — Лев Иванович, мой муж, действительно полковник полиции, старший оперуполномоченный по особо важным делам, расследует тяжкие преступления. Думаю, он сможет узнать, чем завершилось расследование по делу твоей мамы. Но, знаешь ли, Даша, я хочу тебя предупредить. Я давно замужем за ним и часто сталкивалась с работой полиции. Это совсем не как в кино. Слишком много тяжелых вещей и людей с грязью вместо души. Тебе может быть очень больно, когда ты узнаешь всю историю твоей мамы.

Но Дарья упрямо помотала головой, исподлобья взглянула на свою благодетельницу и заявила:

— Я хочу знать все! Это же моя мама. Самое важное на свете!

Про дневник Даша решила больше не говорить. Ей не хотелось расставаться с тетрадью. Лучше она потом расскажет мужу Марии про эти намеки на слежку. Ведь в полиции служит он, а не эта славная женщина.

Мария грустно вздохнула. Ей было искренне жаль юную девушку с тяжелой судьбой.

— Хорошо, напиши мне ее имя, фамилию, отчество и дату рождения, — сказала актриса.

После кафе она вызвала Даше такси, несмотря на ее протесты, себе тоже заказала машину до дома.

Лев Иванович сидел в кабинете и просматривал какие-то бумаги.

Он вопросительно взглянул на жену и осведомился:

— У тебя все в порядке? Затянулись овации после спектакля?

— Да, — ответила Мария, улыбнулась и чмокнула мужа в щеку с вечерней щетиной. — Задержалась на работе, болтали с девочками. Оказывается, ты у меня важная шишка в полиции.

— Прямо важная?

— Ага.

— Вот прямо шишка.

— Да. — Мария не выдержала и рассмеялась, но потом тон у нее стал серьезным, даже грустным: — Вообще-то я хотела тебя попросить помочь вчерашней девочке.

— Новенькой костюмерше Даше?

— Да, у нее больше десяти лет назад была убита мама, и ей хотелось бы узнать подробности расследования. Представляешь, она даже не ведает, найден ли убийца.

Лев Иванович вздохнул. Ему не нравилось смешивать профессиональную деятельность сыщика и личную жизнь, но жене он никогда не мог отказать.

— Хорошо, сделаю запрос в архив. Для этого нужны будут ее данные.

Мария протянула ему салфетку с записями, сделанными в кафе.

— Только уже в понедельник. Завтра выходной. Важная полицейская шишка желает отдохнуть от своих дел, — пошутил Лев Иванович.

Глава 3

В понедельник Гуров в обеденный перерыв предупредил своего напарника и лучшего друга полковника Станислава Крячко о том, что уехал по делам. В соседнем районе находился центральный архив МВД, туда он и направился. Погода со-

всем испортилась. Под мелким дождиком, сыпавшимся с серого неба, он медленно пробирался по городским пробкам.

В архиве зябко ежилась сотрудница в форменной куртке с шевроном МВД. Отопление еще не дали, и в помещении царил влажная прохлада.

Она мельком взглянула на удостоверение визитера, вчиталась в буквы, написанные на салфетке, и уточнила:

— Стало быть, вас интересует Хворостова Инесса Владимировна?

— Да, именно она. У вас должно быть уголовное дело по статье сто пять, убийство.

Женщина несколько минут поискала информацию в базе данных, еще раз уточнила дату рождения фигурантки и удалилась в соседнюю комнату. За приоткрытой дверью Лев Иванович краем глаза видел многометровые стеллажи, заставленные аккуратными боксами для хранения бумаг и вещественных доказательств.

Обратно женщина вернулась с жиденькой стопкой уголовного дела, кивнула полковнику на темную дверь, расположенную в конце коридора, и сказала:

— Там комната для ознакомления, проходите туда. Можете не раздеваться, у нас очень холодно.

В пустой комнате, где, кроме пары офисных стульев и стола, ничего не было, Лев Иванович задумчиво пролистал листы, сфотографировал пару протоколов и постановлений.

Ничего необычного. Инесса Владимировна Хворостова, незамужняя женщина тридцати двух лет, работала медсестрой в районной стоматологической клинике, проживала с дочерью и матерью-пенсионеркой. Следов преступника не найдено. Тело обнаружил дворник рано утром. Смерть, по заключению судмедэксперта, наступила примерно в двадцать три часа вследствие асфиксии. Она была задушена куском провода, который оперативная бригада сразу же обнаружила рядом с трупом.

Положительные отзывы от соседей и коллег. Общительная, отзывчивая, любимица пациентов. Спиртным не злоупотребляла, в контактах с подозрительными личностями не замечена.

Судя по вывернутым карманам и пустой сумке, женщина стала жертвой ограбления. Мать подтвердила, что на шее дочери отсутствует золотая цепочка с крестиком.

Лев Иванович еще раз внимательно прочитал заключение эксперта. Следов борьбы не найдено, strangуляционная борозда ровная, ногти целые, синяков или кровоподтеков на теле нет, одежда целая, признаков сексуального насилия не обнаружено.

Сколько весила цепочка? Пять граммов. Неужели молодая женщина погибла из-за них?

Льва Ивановича заинтересовал вот какой факт. Если женщина не оказывала сопротивления, то зачем преступнику понадобилось убивать ее? Достаточно было сорвать цепочку, обшарить сумочку и карманы в поисках денег и ценностей.

Грабители и воры редко идут на убийство. Они понимают, что жертва может начать сопротивляться, останутся улики. Опытные сыщики по таким деталям могут вычислить убийцу. Это вам не пачка нераскрытых дел о кражах сотовых телефонов, которую молоденький оперативник с грустью пролистает, отправит запросы операторам мобильной связи для отслеживания СИМ-карт и этим ограничится. Над тяжкими преступлениями работают опытные сотрудники, которые не упускают из внимания ни единой мелочи, могут по крошечным следам вычислить преступника.

Судя по показаниям коллег и матери, жила Инесса скромно. Да и откуда возьмутся крупные суммы в кошельке у обычной медсестры, к тому же еще и матери-одиночки?

Единственное, что можно предположить, так это психические отклонения у убийцы из-за душевной болезни либо приема наркотических веществ. У таких субъектов человеческая логика не действует. Ее место занимают сиюминутные животные черные инстинкты.

Дело зависло. Оперативник и следователь добросовестно опросили родственников погибшей женщины и пару ее коллег, но свидетелей преступления, кроме того самого дворника, не нашлось.

Последним документом в тощей папочке было постановление о приостановлении расследования ввиду невозмож-

ности установления личности виновного в преступлении. Типичный глухарь, отправленный в заморозку. Так говорят в своих кругах сотрудники органов внутренних дел.

Перед уходом Лев Иванович еще раз пролистал дело, чтобы удостовериться в том, что самое важное он сфотографировал. Сыщик на секунду задержался над снимками, сделанными на месте преступления. Он решил, что не стоит делать с них копии и показывать их Дарье. Как бы она ни хотела знать правду, но такое зрелище не для юной девушки.

На одной фотографии стройная женщина лежала на спине, глаза у нее были закрыты, а длинные пышные волосы разметались по асфальту. Лицо Инессы почти не исказилось. Даже на официальном фото судмедэкспертизы бросалось в глаза, что она была обладательницей яркой внешности: длинные ресницы, пухлые губы, изящные высокие скулы и острый носик.

Лев Иванович всмотрелся в угол фотографии. Он увидел, что в полуметре от тела белел кусок картона со знакомым рисунком — дама бубен. Сыщик задумался на секунду, потом открыл камеру на телефоне и сделал фото черно-белой распечатки.

Сыщик вернулся к заключению эксперта, внимательно пробежался по строчкам и заметил, что в длинном описании пропустил короткую строчку: «Беременность, срок предположительно 14—16 недель».

Лев Иванович автоматически сложил в голове логическую цепочку, как привык это делать при каждом расследовании.

Мотив — деньги либо любовь. Лишать человека жизни ради копеечной наживы хлопотно, а вот убийство красивой любовницы из ревности или страха, что она предъявит беременность законной жене, встречается регулярно. Вывернутые карманы, пропавшие украшения — всего лишь фальшивые улики, которые должны навести неопытного следователя на мысль о случайном и нелепом ограблении.

Гуров вернул дело в архив, а потом покатил по оживленным улицам к себе, в Главное управление уголовного розыска.

Стас Крячко сидел в рабочем кабинете и с очевидным недовольством рассматривал кипу бумаг, громоздившуюся пе-

ред ним на столе. Это была самая нелюбимая им часть работы оперативника — оформление своих действий: слежки за объектом, поиска улик, общения со свидетелями; протоколы, запросы, отчеты. Он открыл в компьютере файл, нашел шаблон плана оперативно-разыскных мероприятий, вбил туда номер дела.

Тут в кабинет зашел его многолетний напарник и лучший друг Лев Иванович Гуров и задал ему любопытный вопрос, из-за которого Стас сразу же отложил на потом разбор своего бумажного ярма:

— Помнишь, лет десять назад были разборки между двумя крупными бандами, дело Евгения Бубнова?

— Да, братки всполошили тогда полгорода, устроили вендетту. Как сейчас помню, я состоял в оперативно-разыскной бригаде. Борзые ребята решили отжать крупный рынок у местного авторитета, этого самого Бубнова по кличке Бубен. Тот сколотил себе бригаду. Промышляли они сперва в основном крупными грабежами, потом стали прессовать торгашей с районного рынка. Его в те времена китайцы облюбовали, так что деньги там крутились большие. Вот и нашлись персонажи, желающие отхватить жирный кусок пирога.

— Тогда на рынок претендовала группировка Турка, насколько я помню.

— Да кого там только не было. Из-за этого рынка братки постоянно устраивали нападения, драки и покушения на убийство. Самый большой удар по Бубну нанесли люди Турка. У них там завелась парочка отморозков, которые стали систематически убивать людей, особо приближенных к Бубну. Он был коронованный вор в законе, но не смог спасти своих ребят, ему это не помогло. Их перерезали за полгода. Рядом с каждым телом непременно лежала игральная карта бубновой масти. Первой была шестерка, последним оказался валет. Это был тонкий намек на то, что сейчас гибнут его подчиненные, а потом очередь дойдет и до бубнового короля, если не отдаст контроль над рынком добровольно. Только вот смертельную игру до конца довести Турку не удалось. Кто-то слил операм информацию. Бубнов был взят на крупной контрабанде наркотиков, повязан крепко и надолго. Рынок этот потом еще три

года переходил от одной банды к другой. Чего они там только не творили! Вот как-то была история...

— Извини, давай в другой раз историю. Взгляни-ка лучше вот на это фото. — Лев Иванович протянул напарнику телефон.

Стас взглянул на снимок и тут же воскликнул:

— Дама бубен! У тех парней карты были пожиже.

— Как думаешь, это случайность или женщина тоже стала жертвой той бандитской войны из-за рынка?

Станислав Васильевич еще раз внимательно взгляделся в фотографию, машинально потер себе шею при виде жуткого следа на трупе и проговорил:

— Можно допустить, что она тоже из банды Бубнова. Хотя он женщин не жаловал, вел очень скромный образ жизни, обходился без алкоголя и гулянок. Когда мы вели оперативную деятельность по этому авторитету, долго голову ломали, через кого подойти к нему поближе. Семьи нет, по статусу не положена. Выпивка, наркотики, девочки не по его части. Спортзал да рыбалка, вот и все радости жизни. А там, где убитую женщину нашли, есть парк или просто лавочки? Вдруг школота резалась в карты да обронила? На фото она в платье, значит, тепло было.

Гуров пожал плечами, убрал телефон и решил заняться рабочими делами. Просьбу жены он исполнил, а расследовать смерть десятилетней давности ему ни к чему. Работы у оперов всегда хватает.

Крячко тоже уселся за свой стол, набрал несколько слов, снова с очевидной тоской взглянул на бумажную гору и сказал:

— История про этого Турка интересная. Сейчас расскажу. — Стас не смог пройти мимо возможности хоть на пять минут отложить скучную бумажную рутину.

Поздно вечером Лев Иванович с букетом появился на пороге гримерной жены.

— Ты что так рано? Спектакль даже не начался, придется тебе смотреть на гениальную игру любимой жены, — заявила Мария, любуясь яркими хризантемами.

— Я к вам как важная полицейская шишка, с докладом. Просьбу твою выполнил, пока спектакль идет, переговорю с Дарьей, а потом отвезу тебя домой.

— Как быстро все у тебя получилось. Вы можете у меня в примерной пообщаться, пока я на сцене, — сказала актриса.

Лев Иванович согласно кивнул в ответ на предложение жены.

Даша сама вскоре прибежала с ворохом пышных юбок для платья и проговорила:

— Накрахмалила, смотреться будет шикарно! Ой!.. — Она осеклась при виде полковника полиции.

Лев Иванович приветливо поздоровался с ней и вышел, чтобы не мешать жене надевать костюм. Он прогулялся по театру, забежал к осветителю, с которым они иногда беседовали на самые разные темы, после первого звонка вернулся обратно в небольшую уютную комнатку с огромным зеркалом, расположенным у туалетного столика.

Даша терпеливо ждала его. От волнения она чувствовала, как снова начал неметь ее язык, а по спине побежал колючий холодок, замерла на твердом стуле, старалась не дышать.

Лев Иванович присел в кресло и произнес:

— Маша мне сказала, что ты хочешь узнать подробности смерти своей мамы.

Девушка кивнула, слова у нее опять потерялись.

Сыщик вытащил блокнот, открыл его.

— Твоя мама была убита десять лет назад недалеко от места своей работы. Кто это сделал, к сожалению, следствию установить не удалось.

— Ее... — Дашин язык спотыкался, никак не мог выговорить это страшное слово. — Почему ее убили? Зачем?

— Версия следствия — ограбление. С нее сняли золотую цепочку, возможно, похитили деньги из сумочки.

Девушка замолчала, но губы ее продолжали шевелиться в немом вопросе. Она вытянула из-под джемпера толстую тетрадь и молча протянула ее Льву Ивановичу.

Тот пробежался глазами по страницам, исписанным убогим почерком, и осведомился:

— Это дневник твоей мамы?

Девушка кивнула в ответ. К ее глазам подступали слезы.

— Ты думаешь, что здесь есть ответ на вопрос о том, кто и зачем ее убил? — Лев Иванович видел, что его собеседница не может справиться с собой от волнения, и старался задавать ей наводящие вопросы.

Даша опять кивнула. На ее джинсы капнула слеза.

— Ты хочешь, чтобы я его прочитал?

Девушка взглянула с мольбой и чуть заметно опустила подбородок.

Гуров закрыл тетрадь и сказал:

— Хорошо, я прочитаю ее записи, но не обещаю, что смогу заниматься поиском убийцы. Если увижу зацепку, то объясню тебе, каким образом ты, ближайшая родственница, сможешь инициировать дальнейшее расследование уголовного дела. Я не частный сыщик, работаю на государство и не могу выбирать себе занятие. Ты это понимаешь?

Ответом был еще один кивок.

Лев Иванович убрал тетрадь под куртку и произнес:

— Давай договоримся так. Через пару дней я так же вот заеду в театр и расскажу тебе, смог ли найти в этой тетради важные факты. Хорошо?

Наконец-то Даше удалось разлепить сухие губы.

— Спасибо, — прошептала она.

Лев Иванович кивнул в ответ, вышел из гримерной и вернулся в машину. На водительском сиденье он задумался о том, зачем ему нужны эта несчастная девочка и расследование давнего убийства.

Сыщик прислушался к себе. Ему было жаль Дашу, а еще он понимал, что делает это для жены. Мария решила помочь сироте, а желания любимой жены для него были важны. Он не мог отдать Дарье свое теплое пальто или ботинки, но имел возможность изучить записи, сделанные ее матерью, убитой вскоре после этого. В конце концов, изучение дневника займет не больше пары часов, а для девочки может иметь огромное значение. Мария будет довольна его помощью.

Может быть, он найдет в дневнике зацепки, говорящие о причине убийства. Ведь после изучения уголовного дела у него сложилось четкое убеждение в том, что молодая женщина по-

гибла вовсе не в ходе ограбления. Все детали этого преступления, в том числе и дама бубен, являлись частями сложной схемы, в которой не смог разобраться неопытный следователь.

Лев Иванович открыл клеенчатую тетрадку и погрузился в чтение. Когда раздался стук по стеклу, он уже успел глубоко задуматься над информацией, полученной из дневника.

— Не замерз, пока меня ждал? — спросила жена, держащая в руках букеты, полученные от зрителей.

В машине было тепло, печка работала все два часа ожидания. Сыщик в задумчивости убрал тетрадь в сторону и забрал у Марии ароматную охапку.

— Как Даша, нормально отреагировала? — спросила она.

Лев Иванович пожал плечами. Какую реакцию на рассказ о смерти матери можно считать нормальной?

После изучения записей у него появилось много вопросов, которые сыщику хотелось в тишине кабинета зафиксировать на бумаге. Давняя привычка записывать свои размышления ему всегда помогала. Пока карандаш выводил на листке буквы, мысли складывались в четкие логические цепочки. Он нажал на газ и поехал в сторону дома.

За рабочим столом дома сыщик сделал несколько пометок в рабочем блокноте:

«Ж. — Евгений Бубнов?

Связь между медсестрой Хворостовой, ее пациентами и бандой Бубна?

Что такое сокровище Аладдина? Где оно спрятано?»

Рабочий день Гурова начался с разговора с генералом Орловым.

Петр Николаевич перехватил его в коридоре, на пути в кабинет.

— Доброе утро. Есть у меня к тебе одна просьба, Лева. Надо взять стажера на недельку.

Лев Иванович вспомнил бумажную гору, скопившуюся на столе Крячко. Еще можно будет отправить стажера проверить кое-какие догадки Гурова по убийству Хворостовой.

— Доброе утро. Давай стажера. У меня есть чем занять его.

— Стажерку.

Они уже подошли к кабинету генерала. В приемной рядом с секретаршей Верочкой сидела хрупкая девочка. Облачко кудрей и пухлые розовые щеки делали ее похожей на ангела. Сыщику поначалу показалось, что ей лет четырнадцать, никак не больше.

Но генерал-лейтенант поспешно кивнул и сказал:

— Доброе утро, Елена. Это полковник Гуров Лев Иванович. Вы поступаете в его распоряжение.

Сыщик в возмущении уже раскрыл было рот, чтобы запротестовать, однако начальник открыл дверь кабинета.

Он втолкнул туда полковника и сказал:

— Лева, я тебя вполне понимаю. Но она дочка шишки какой-то, хочет непременно у оперов постажироваться. Ты посади ее бумажки писать, она сама сбежит через три дня. Не могу я отказать начальству.

Гуров шагнул обратно за порог, покинул приемную и двинулся по коридору. Он останавливался у каждого кабинета и обменивался с коллегами приветствиями и беззлобными шутками, демонстративно не замечая, что по пятам за ним семечит пухлощекая стажерка.

«Вот навязалась на мою голову!»

От ее настойчивости сыщик разозлился.

В кабинете Крячко заулыбался при виде белокурого ангела.

— Привет! А это кто?

— Это киндер-сюрприз от начальства, стажер Елена к нам на неделю, — недовольно пробурчал Гуров и представил девушке своего напарника.

После этого сыщики обменялись недовольными взглядами, но слово начальника — закон.

— Елена, как же вы вовремя. Я прямо как знал, приготовил фронт работ для вас. — Стас хлопнул по высокой бумажной стопке отчетов, занимавшей едва ли не весь его стол. — Вы присаживайтесь, открывайте файл у меня на компьютере, и вперед. Меняем номер уголовного дела, вписываем план оперативно-разыскных мероприятий, выводим на печать и подшиваем. Если вам понравится, то у моего коллеги найдется для вас второй транш, — Стас ткнул пальцем в сторону бумажной горки, возвышавшейся на столе Гурова. — Идемте, Лев Иванович, нам пора на оперативное мероприятие.

Недовольная девушка промолчала, открыла первую папку и начала старательно стучать по клавиатуре.

Гуров вслед за коллегой вышел в коридор и спросил:

— Что мы теперь делать будем?

— Оперативно-разыскные действия осуществлять. — Шутливый тон Стаса исчез. — Работать будем, Лева. Я ночью подумал, что надо поговорить с Бубновым. За ним несколько десятков эпизодов осталось, грабили они стариков состоятельных. Доказательная база слабая оказалась, не удалось в суд отправить. Если нам с тобой удастся расколоть Бубнова, то представляешь, какая серия будет раскрыта! Он освободился пару месяцев назад, я уже по базе данных проверил, адрес регистрации не сменился. Найдем, поговорим, фото Хворостовой покажем. Он должен рассказать нам что-нибудь интересное. Какое отношение к нему имела эта дамочка?

Лев Иванович рассказал старинному другу о дневнике Хворостовой и о тех вопросах, которые возникли у него после его прочтения. Крячко с интересом пролистал дневник и сразу принялся соотносить информацию со своими сведениями о жизни бандита.

— Ж. — это Евгений Бубнов. Он ведь у нас вор в законе, персонаж коронованный. Инесса наверняка была его гражданской женой, а эта сиротка — их незаконнорожденная дочь. Он не мог жениться на Инессе и дочь признать. Воровской мир осудил бы его. А сокровище и передачи, про которые Инесса пишет, думаю, общак Бубна. Он же не был найден, поэтому все эпизоды с ограблениями и не доказаны. Сам знаешь, в таких делах нужна крепкая доказательная база. Мы не смогли найти ни орудия убийств, ни украденное имущество. Все указывало на то, что Бубен и его бандиты стариков убивали пачками, в неделю по два-три эпизода. Надо ухватить его за жабры хотя бы теперь. Десять лет прошло, новые обстоятельства открылись. Бдительность он потерял, проколется на чем-нибудь. Давай его найдем. Поехали! — Стас был взбудоражен, надеялся на то, что новые сведения помогут им раскрыть давнюю серию ограблений.

— Где его искать будем? По адресу регистрации поедем? — спросил Лев Иванович и завел двигатель машины.

— У меня в том районе есть один ценный кадр, который поделится со мной информацией. Поехали в торговый центр.

Через полчаса в огромном торговом центре Крячко переходил из одного магазина с одеждой в другой. Лев Иванович спокойно следовал за ним. Коллеге он доверял давно и безоговорочно. Если Стас бродит между полками с женскими кофточками, значит, так надо.

В светлом, многолюдном с утра торговом зале напарник Гурова задержался за вешалкой с кожаными куртками и еле заметно кивнул на обычную невысокую худенькую девушку. Темные волосы распущены, броская оправка очков блестит на тонком личике с ярким макияжем. Девушка меланхолично перебирала плечики с джинсами в углу возле примерочной, потом перешла к столу со стопками шерстяных джемперов.

Она набрала полные руки одежды и юркнула за темную штору примерочной. Обратная эта особа вышла через пару минут и сразу же со скучающим видом двинулась к стеклянному проему выхода.

В десятке шагов от магазина Стас аккуратно подхватил ее под руку и сказал:

— Доброе утро, Симочка. Как ваш шопинг, удачно? Что купили? Покажете старому приятелю?

В ответ Симочка сначала дернулась, а потом самым натуральным образом зашипела:

— Пошел вон, ментяра! Что ты тут делаешь, придурок?

— Ну что же вы так, Симочка, грязно ругаетесь. Откуда такой лексикон в тринадцать лет?

— Чего тебе? — Симочка не была настроена на шутливый лад, нервно осматривалась, выискивала пути для побега.

Но ее озлобленный вид несколько не смутил Стаса.

— Сейчас идешь со мной на фудкорт, я покупаю тебе завтрак, ты ешь и отвечаешь на вопросы, — заявил он.

— Если не пойду, то что? Я малолетка, а ты ко мне приставал. Как заору сейчас, что ты меня хватаешь!

Симочка, видимо, была не голодна.

Но Крячко сжал ее худенький локоток посильнее и заявил:

— Кричи, придет охрана торгового центра, вызовет полицию. Приедут инспектор по делам несовершеннолетних, следователь, эксперт. Тебя осмотрят, следов насилия не найдут. А вот в сумке твоей будет обнаружен новый свитерок и джинсы с бирками и даже антикражными датчиками, которые ты только что вынесла из этого магазина. Мамашу твою тоже сюда привезут в качестве твоего законного представителя.

Лицо девчонки скривилось. Она выдернула локоть из ладони Стаса и зашагала к фудкорту.

У красно-белой стойки Симочка сделала такой заказ, что Стас крикнул, но оплатил его. Девочка с аппетитом принялась поглощать все, что стояло перед ней в бумажных тарелках и упаковках.

— Про Бубнова что слышала? Мать говорила что-нибудь?

— Мамаша неделю как в загуле, пенсию получила, — с набитым ртом ответила ему собеседница.

Только сейчас Лев Иванович под толстым слоем дешевой косметики и яркой оправой разглядел лицо ребенка. На вид этой воровке можно было дать лет тринадцать-четырнадцать.

Симочка ела жадно, откусывала огромные куски и ухитрялась в это же время выдавать информацию:

— К мамаше с рынка теперь ходит перец один. Он там грузчик, торгашам телеги таскает. Второй день хвастается, что в чайхане Бубен всем наливает и кормит от пуза. Откинулся он из тюрьмы. Теперь весь рынок гуляет.

Симочка кивнула. Большую часть заказа она съела, все остальное завернула в салфетку и засунула в свою сумку.

— Джинсы и джемпер вернуть надо, — сказал ей Стас.

Но девочка насупилась и заявила:

— Меня мамка убьет, если не принесу ей на опохмелку. Она и так мне неделю назад зуб выбила. — Симочка продемонстрировала сыщикам дырку вместо верхнего резца.

Крячко мысленно выругался. Его информатор оказался дорогим.

Он вытащил две помятые купюры, сунул их в пальцы с грязными ногтями и проговорил:

— На, иди и возвращай вещи на место. Или я охране тебя сдам. Больше не зайдешь сюда никогда.

Симочка, довольная удачным утренним раскладом, резво соскочила со стула, но тут же притормозила и осведомилась:

— Я спросить хотела. Когда мне шестнадцать исполнится, меня посадят, да?

— Сколько у тебя эпизодов?

— Больше пяти, девять. Так последний раз следачка сказала.

— Тебе тринадцать сейчас, год еще гуляй, потом сядешь, — сказал Стас.

Девочка грязно выругалась и пошла в сторону магазина.

Крячко кивнул ей вслед и произнес:

— Шустрая девчонка. Если бы не мать, то, может, и вышло бы из нее что-то путное. Но она мать любит, из детского приемника сбегает к ней, ворует на выпивку. Третий год промышляет. Сумка у нее фольгой внутри выложена, чтобы антикражка не сработала на выходе. Тащит из магазинов одежду, а мамаша потом отдает ее за бутылку. Ладно, поехали знакомиться с Бубном.

На обширной территории рынка царило утреннее спокойствие. Торговля только начиналась. Сонные продавцы выкладывали товары на прилавки, на удачу обмахивали веерами купюр развешанную одежду, лениво обменивались новостями. В конце торговых рядов мелькали пестрыми вывесками местные забегаловки.

Среди них была и чайхана, за порог которой сыщики шагнули без всяких раздумий. Мангальщик в белом испачканном фартуке только еще раздувал огонь в небольшой печи.

Он окинул взглядом широкоплечие фигуры посетителей и затрещал с сильным акцентом:

— Закрыто у нас. Ничего не готово, ни плов, ни шашлык. Чайхана пока не работает.

Но Стас не обратил внимания на его слова.

Он качнул головой в сторону темного проема, ведущего в другую комнату и завешанного яркими шторами, а потом спросил:

— Бубен здесь?

Глаза мангальщика испуганно забегали.

Крячко шагнул в сторону пестрого пятна ткани. Оттуда вдруг вылетел не особенно крупный человек в черной одежде, ударил Стаса в живот и бросился к двери. Но Гуров среагировал мгновенно. Он со всех сил двинул тяжелый стол к выходу так, что этот тип с размаху напоролся на препятствие и повалился на пол.

От удара Стас отлетел к стойке бара, но тут же пружинисто подскочил и бросился к темному входу в другую комнату.

Там белел проем, ведущий на маленькую веранду со столами, где летом можно было пить чай на плетеных диванчиках. Сейчас вся мебель была сложена в кучу и укрыта пленкой от начинающихся проливных дождей.

Высокий мужчина зацепился за нее, рухнул на асфальт, но тут же поднялся и бросился наутек.

Стас вылетел вслед за ним на веранду. Под крики перепуганного мангальщика он выхватил из кучи стул и метнул в беглеца.

Снаряд попал в цель. Клиент взвыл, упал на колени, поднялся и опять побежал.

Этих нескольких секунд заминки оперативнику вполне хватило на то, чтобы догнать беглеца. Ловкой подсечкой он уложил его на асфальт, заломил руки назад, придавил коленом и вытащил наручники.

— Сука, отпусти, больно! — прохрипел пойманный мужчина.

Но Стас защелкнул стальные браслеты на его мощных запястьях и рывком перевернул тушу лицом к себе. На земле, скорчившись от боли, извивался Бубнов.

В чайхане испуганный мангальщик стрекотал, качал головой, но по требованию оперов послушно закрыл дверь заведения на замок.

Возле створки на полу сидел шуплый темноволосый молодой человек. При падении он ударился об стол так, что теперь куртка и футболка у него были обильно залиты кровью. Одну руку этого парня Гуров приковал к ножке того самого тяжело-

го стола. Во второй тот держал мокрое полотенце и старался привести себя в порядок.

Стас провел Бубнова в полутемную комнату с яркими занавесками, толчком усадил на стул и полюбопытствовал:

— Куда это ты так торопишься, Евгений?

— Не твое дело! Тащи адвоката, без него разговора не будет.

В центральном помещении старик-мангальщик взволнованно, без остановки переговаривался с парнем на родном языке. Крячко закрыл дверь, чтобы те их не слышали, и щелкнул выключателем. Яркий свет залил небольшое помещение.

Стас осмотрелся и присвистнул. На полу лежала россыпь крупных купюр.

— Ты оптовую партию шашлыка хотел закупить, чтобы отметить свое возвращение? — спросил он.

Бубнов молчал.

Крячко присел на стул, расстегнул куртку и сказал:

— Показывать тебе удостоверение и представляться смысла нет. Я правильно понимаю? Рванул ты, значит, понял, кто тебя проведать зашел. Деньги, смотрю, ты считал, математик. Давай я тебе другую задачку задам. Ты же по УДО вышел. Сколько тебе скостили? Лет пять? По закону при малейшем нарушении твои года вернутся, а оно уже есть. Ты не подчинился требованию сотруdnика полиции. Хочешь обратно на зону?

Бубнов набычился и не произнес ни слова. На лбу у него налилась багровая шишка от падения на землю.

Пока Крячко пытался разговорить бандита, Лев Иванович наблюдал за тем, как старик махал руками в сторону парня и что-то возбужденно доказывал ему.

Тот сперва крутил головой в упрямом отказе, потом взглянул на оперативника и сказал:

— Отстегни, пожалуйста, брат. Дело есть к тебе, разговор важный.

Гуров подошел к молодому мужчине и снял браслет с его руки.

Тот со стоном поднялся с пола, потер кисть, потом подошел к сыщику поближе и зашептал:

— Брат, не надо полиции. Давай договоримся, ты мой гость. Это дедушкино кафе, мы его держим, семья наша. Кушай, пей, подарок тебе дадим. Не зови полицию, это наши с Бубном дела. Я сам виноват, испугался, побежал. Заявление не буду писать. Бубен ничего плохого не делает. Он нам работать помогает. Не надо полиции, мы с ним сами договоримся.

Гуров взглянул в испуганные глаза на перемазанном кровью лице, на сторбленные плечи мангальщика. Старик кивал и старался улыбнуться, сжимая в руках пухлый конверт.

— Дедушка подарок тебе сделать хочет, брат. Не надо скандалов и разборок. Мы мирные люди, бизнесмены.

Лев Иванович понимал, что владельцы этого заведения напуганы. Если сейчас дело дойдет до полиции, то разъяренный Бубен может приказать своим приспешникам сжечь это скромное заведение в наказание за предательство.

— Что Бубен у вас делал? — на всякий случай задал вопрос Лев Иванович.

— Покушать зашел, шашлык свежий ему сейчас дедушка приготовит. И тебя угостим, брат. Позже заходи вместе с другом своим. Каждый день бесплатно у нас кушай. А сейчас уходи, прошу тебя. Проблемы будут у меня и у дедушки. — Молодой человек в мольбе сложил руки на груди, косясь на дверь за яркой тканью.

Гуров вздохнул, покачал головой и сказал:

— Умойся пока, потом поговорим. Без фокусов, здесь ждите.

В ответ дед и внук послушно закивали в унисон.

Сыщик открыл дверь и шагнул в заднюю комнату, окинул взглядом веер купюр под ногами задержанного беглеца.

«Все понятно, — подумал он. — Бубен вернулся и принялся собирать с торговцев дань за годы своего отсутствия. Сложно будет сейчас предъявить ему обвинение и отправить под суд из-за вымогательства. Ни один из тутошних продавцов на рынке не даст свидетельские показания о поборах. Все боятся мести.

Видимо, мы со Стасом зашли в чайхану как раз в момент передачи денег, поэтому молодой парнишка так разнервничался и бросился наутек при нашем появлении».

— Молчит? — спросил Лев Иванович и кивнул на закамешного бандита.

— Молчит, мечтает, — ответил Стас. — Соскучился по тюремным нарам, хочет быстрее вернуться туда за нарушение условий условно-досрочного освобождения.

Гуров взглянул прямо в темные глаза бандита и проговорил:

— Ты ведь понимаешь, какой сейчас расклад. Если хочешь обратно уехать, на зону вернуться, то молчи. Сколько-то у тебя осталось, мы сверху еще навешаем тебе за вымогательство. До конца жизни хватит. Или освободишься уже стариком, станешь здесь, в чайхане обеды подбирать, а пацан этот будет тебя пинками гонять. С зоны здоровым быком никто не выходит. Улик достаточно, под ногами у нас поляна из вещдоков. Но если ты начнешь сотрудничать с нами, мы тебя отпустим.

Стас едва ли не взвился от такого предложения, но не показал вида. Значит, есть у напарника информация, позволяющая ему играть с Бубном в такие поддавки.

Бандит окатил их угрюмым взглядом и заявил:

— А ты меня на понт не бери, я таких деловых, как вы, немало перевидал. Сдавать никого не буду, не по понятиям это. Поговорить могу.

Гуров выдохнул.

«Плохой мир лучше доброй ссоры, — решил он. — Засадить Бубна мы сейчас не сможем, значит, придется нам хитростью, по миллиметру вытаскивать из него сведения».

— Ты был знаком с Хворостовой Инессой Александровной? — спросил Лев Иванович.

Бубнов подтвердил этот факт:

— Был знаком. Жена моя гражданская. Была.

— При каких обстоятельствах умерла, знаешь?

— Задушил ее какой-то отморозок, золото снял и растаял в ночном тумане. — В раскатином баре появились хриплые нотки злости.

— Рядом с мертвой женщиной была обнаружена игральная карта, бубновая дама. Карты этой же масти находились рядом с каждым телом твоих ребят. Хворостова тоже была частью банды?

— Для тебя, может, это и банда, а для меня друзья и любимая жена.

— Ее убили твои конкуренты из мести?

Бубнов завозился на стуле, попросил снять наручники и дать попить.

Гуров отвлекся на секунду и написал СМС жене: «Пришли фото Дарьи Хворостовой. Срочно».

Тем временем бандит размял затекшие запястья и сделал глоток из чашки с зеленым чаем, которую принес тут же услужливый мангальщик, позванный Стасом.

— Меня в третью ходку короновали. По воровским законам не положено семью иметь. Но Инесска такая баба была, что ради нее хоть на смерть. Я ее склеил в ресторане одном на праздник, а потом как в омут попал. Мне никто больше не нужен был. Она забеременела, девчонку родила, хоть и знала, что нельзя мне жениться и ребенка я не признаю. Девять лет мы крутили. Не при делах она, просто в любовницах у меня ходила. Когда наших мочить начали и карты подкидывать, Инесска заартачилась, заявила, чтобы я вместе с ней в бега двинул. Но я не сопляк, законы знаю. Никуда не денешься, не убежишь. Везде найдут и накажут. Вот и порешили ее отморозки, которые под Турком ходили. Кто убил ее, я знаю. Он давно уже на том свете чалится.

— Ты знал, что Инесса на момент гибели опять была беременна?

Бубен тряхнул головой, но на вопрос не ответил. Глаза у него налились черной ненавистью, а скулы отчетливо выступили на лице.

Лев Иванович показал бандиту фотографию, развернутую на весь экран мобильного.

— Узнаешь? Это твоя дочь.

Бубнов вздрогнул всем огромным телом, прямо как лошадь под ударом хлыста.

— Она нашла дневник матери, ищет теперь сокровища, которые та припрятала. Соображаешь, о чем речь?

— Да, обшак у Инесски хранился. Когда ее порешили, я всю квартиру перерыл, ничего не нашел. Меня повязали через неделю, так что не знаю, что там девка ищет.

— Что в обшаке? Ювелирка? Сколько предметов, помнишь? — Стас надеялся услышать перечисление драгоценностей, украденных у стариков.

Но бандит почувал, что опасность миновала, ухмыльнулся и заявил:

— Столько лет прошло. Мне и память отшибло. Не помню, чего там хранилось. Инесску жалко, баба шикарная была.

Крячко был в гневе из-за неудачи. Преступника они поймали, но за решетку отправить опять не смогут. Перепуганные свидетели ни в какую не пойдут против бандита. А тот уже светит наглой улыбочкой из-за их бессилия, считает, что может и дальше безнаказанно пресовать работников рынка, грабить и убивать слабых стариков.

— А дочку твою не жалко тебе? Девчонка по сиротским домам болталась все детство, всю семью из-за тебя потеряла. Сирота при живом отце! — со злостью выпалил Стас.

Огромная туша взметнулась со стула, но Гуков одним движением вывернул бандиту руку и усадил его обратно.

Стас шагнул к двери и заявил:

— Сейчас мы тебя отпускаем, но непременно засадим, ублюдок. Вернешься в тюрьму, где тебе самое место.

К машине они шли молча.

Стас нахохлился, так как до сих пор был расстроен неудачей. Конечно, было наивно полагать, что Бубнов так вот запросто признается в преступлениях десятилетней давности или проговорится насчет места хранения награбленного добра. Но оперативнику очень уж хотелось завершить начатое тогда дело, наказать наглого бандита за злодеяния, совершенные в те времена.

В кабинете он повесил куртку на вешалку и сурово взглянул на стажерку, которая закончила работать с его отчетами. Отдельно от общей кучи лежали фотографии с места убийства

Хворостовой, которые Стас распечатал еще с утра, чтобы подготовиться к разговору с Бубновым.

Девушка протянула ему листы и сказала:

— Я не нашла уголовное дело, из которого эти материалы.

— Оставь, — буркнул опер.

Его надежда получить информацию растаяла после общения с Бубном. У полковника Крячко сейчас не было настроения возиться с барышней.

Девушка неловко себя чувствовала в напряженной атмосфере, натянула куртку и проговорила:

— У меня стажировка до обеда. Мне можно идти?

Гуров кивнул ей и сказал:

— Да, конечно. Спасибо.

Однако девушка задержалась и вдруг заявила:

— Я знаю эту женщину на фотографии, Инессу, медсестру в стоматологической клинике.

Сыщики одновременно повернулись к ней.

— Знала, вернее сказать. Я маленькая была, когда мы с бабушкой в больницу к ней ходили.

Лев Иванович пододвинул стул к девушке и мягко попросил:

— Присядь, пожалуйста, Лена, и расскажи подробно, что помнишь.

Девушка распахнула куртку и опустилась на стул.

— Помню немного. В садик меня не водили, только в музыкальную школу. Со мной сидела бабушка. Родители много работали, поэтому я везде с ней ходила, в том числе и в стоматологию. Она там лечила зубы за деньги, у нас состоятельная семья всегда была. Дедушка дипломат, бабушка раньше на телевидении работала, мама бизнесом занялась в перестройку, а про папу вы знаете. Ну так вот, я запомнила Инессу. Она мне тогда невероятно красивой показалась, прямо как актриса. Да и имя подходящее, редкое, не какая-то Лена или Таня. Бабушка от нее тоже была в восторге. Медсестра ей пообещала недорого достать редкое лекарство. При встрече Инесса всегда меня гладила по голове, угощала импортной жвачкой. Ее все старики обожали. Бабушка очень была общительная и деятельная, руководила районным союзом пенсионеров. При

разговоре об Инессе старики нахваливали ее хором, какая она внимательная, старается для всех раздобыть нужные медикаменты, зубную нить, гель для крепления протезов. Тогда это было редкостью, в аптеке не купить. Они в шутку называли ее принцессой. Как-то она даже нам позвонила на домашний телефон. Я тогда взяла трубку, услышала ее имя и начала кричать бабушке, что ей звонит принцесса Инесса. В тот день я пошла в музыкалку первый раз сама, потому что бабушке должны были привезти то самое редкое лекарство. Она осталась ждать дома. Когда я вернулась, бабушка уже была мертва. Ее убили, из квартиры вынесли все драгоценности, деньги, которые она прятала между постельным бельем, дедушкину коллекцию часов. Вот откуда я помню эту женщину. Даже не знала, что ее убили много лет назад. Сейчас увидела эту фотографию и вспомнила тот день.

Оперативники внимательно слушали рассказ девушки. Гуров даже делал пометки у себя в блокноте.

— Спасибо, ты нам сегодня очень сильно помогла, — сказал он. — Завтра так же быстро разберешься и с моими отчетами?

— Конечно. — От комплимента юная студентка залилась румянцем, неловко застегнула куртку и вышла из кабинета.

— Принцесса Инесса, стало быть. — Крячко все еще негодовал из-за неудачи и с негативом реагировал на все вокруг. — Сказочница эта наша стажерка. Ей с такой внешностью в полиции тяжело придется. Амурчик самый натуральный.

Гуров хлопнул коллегу по плечу и произнес:

— Отставить ворчание, полковник Крячко! Понимаю, обломались мы с этим Бубном. Только такую вот акулу нахрапом не возьмешь. Лучше с Орловым давай переговорим, чтобы приставить наблюдение за Бубновым. Он за старое принялся, опять торгашей трясет, прессует всех. С современной видеотехникой его наружка в два счета укатает, пару раз заснимет, как ему дань тащат с рынка, и можно будет следователю материалы передавать. За десять лет все изменилось, а бандит по старинке действует. Сейчас не то время, Стас, чтобы можно было частников крышевать и бандитские разборки устраивать. Мы с тобой с Бубновым разберемся в два счета. Есть у

меня одна мысль насчет старых ограблений. Нужна твоя помощь, чтобы кое-что проверить. Помнишь, Лена сказала, что все старики в районе знали Инессу, значит, и она всех знала. Эта общительная и обаятельная особа могла вытянуть из любого пациента все, что ей нужно было. С кем живет, водятся ли у него деньги. В карточке клиники есть точный адрес. Так что гражданская жена Бубна могла не только хранить обшак, но и работать наводчицей. В дневнике она пишет о пациентах, которых от нее требует некий Ж., то есть Бубен. Я думаю, что любовница бандита всю информацию по богатым старикам сливала Евгению. Тот мог планировать ограбление так, чтобы жертва наверняка была дома одна в этот момент. Лукавил Бубнов, когда говорил, что Инесса была всего лишь любовницей. Она являлась важным источником информации, тем самым человеком, который незаметно собирал все сведения о состоятельных пожилых людях. Разузнать насчет наличия крупных сумм в квартире тоже, я думаю, для Инессы было не проблемой. Пожилые люди ей слепо доверяли. Что опасного может таить в себе заботливая медсестра из стоматологии? Похвасталась старушка, что сын планирует в отпуск за границу лететь. Тут ведь нет ничего тайного. А для Хворостовой это знак. Значит, в квартире хранится крупная сумма. Можно ребятам из банды Бубнова ехать на этот адрес, добыча будет сто процентов. Стоматология всегда ориентировалась на людей с хорошим доходом. Поэтому, думаю, недостатка в потоке пациентов Хворостова не испытывала, постоянно передавала своему любовнику адреса, по которым можно пожить. Помнишь звонок перед уходом Лены в музыкальную школу? Получается, что Инесса звонила жертве буквально за несколько минут до ограбления. Может быть, она не только сливала Бубну информацию, но и открывала двери грабителям. Обещала достать дефицитное лекарство или редкий тогда ирригатор, звонила, чтобы предупредить, что сейчас забежит знакомый и занесет заказ. В разговоре всегда можно ненароком узнать, один ли дома, убежала ли внучка в музыкалку, а дети — на работу. Поэтому старики открывали дверь без опасения, ждали курьера с заказом, а не грабителей. Бандитам не приходилось тратить время на проникновение в квартиру, они всегда заранее

знали, чем можно там поживиться. Они убивали пенсионеров, чтобы те не смогли рассказать полиции об этом звонке Инессы. Она должна была быть ключевой фигурой в их схеме ограблений. Медсестра сначала собирала информацию о жертве, а потом обеспечивала открывание двери. Благодаря ей Бубен смог поставить эту схему на поток. Два-три ограбления в неделю, каждое за несколько минут и всегда с хорошим кушем. Не просто так возле трупы Хворостовой лежала дама бубен. Инесса была не просто любовницей или гражданской женой Бубна. Она входила в состав его банды.

— Но как пенсионеры могли не заметить, что в их районе начались систематические убийства, совершаемые по одной и той же схеме? Мы тщательно проверяли все окружение жертв. — Стас принялся взволнованно ходить по кабинету. — Лева, там была куча эпизодов с одним сценарием, больше двух десятков. Да, основные моменты совпадают, ты все верно сказал. Жертвы всегда были задушены, на дверях никаких следов взлома, то есть жильцы пускали их к себе добровольно. Добыча грабителей всегда была значительной. Это крупные суммы денег, драгоценности, ювелирка, антиквариат. Ты правильно говоришь, что все происходило очень быстро. Бандиты буквально за полчаса успевали обернуться. Так получается по нашим вычислениям и показаниям свидетелей. Районы были разные, это тоже могу сказать со стопроцентной уверенностью. Поначалу, когда только начались эти убийства, все дела расследовали сотрудники районных отделов. Но потом стало ясно, что это серия. Свидетели видели похожих людей, схема была одна и та же, жертвы были пожилыми людьми с хорошим достатком. Поэтому все дела были объединены и отданы нам. В расследовании участвовало огромное количество народу. Мы проверяли всех подряд. Отрабатывали разные версии, искали связи между убитыми. Я тогда по городу каждый день немалый километраж наматывал, поэтому так отчетливо помню. Мы даже в пригород, в областные городишки выезжали. Там происходили схожие ограбления.

— К хорошим стоматологам всегда очередь, особенно если имплантация, вставные челюсти или мосты. Я уверен в том, что десять лет назад клиенты туда ехали не только из разных

районов Москвы, но и из других городов. Поэтому и получился такой разброс в географии. Инесса работала не только с пациентами, но и в регистратуре, имела доступ к картотеке, поэтому число жертв ограбления было таким значительным. Версия крепкая, нужно проверять ее.

— Согласен, все сходится. Как мы с тобой теперь будем действовать? Побеседуем с сотрудниками клиники, где работала Хворостова? Но с той поры прошло уже десять лет. Сложно будет найти свидетелей с хорошей памятью.

— Документы лучше людей говорят. Надо в архиве поднять все эпизоды и проверить в клинике, являлись ли жертвы ограблений пациентами медсестры Хворостовой.

— Сделать это будет не так-то просто. Ты представь себе объем работы. Нам надо будет найти табель учета рабочего времени за те годы, сравнить его с расписанием приема пациентов и установить пофамильно, кто бывал на приеме в смены Хворостовой. — Стас озадаченно почесал затылок.

Ему очень не хотелось сначала копаться в архиве МВД, а потом перебирать бумажки уже в клинике.

— Мы как раз нашли для Лены занятие на неделю, — сказал ему напарник. — Да нам и начальство не разрешит без официального постановления о возобновлении уголовного дела столько времени на архивы убить. Идем к Орлову, будем договариваться с ним насчет наружки для Бубнова, успокоим его, скажем, что генеральская дочка проведет стажировку среди бумажек.

— Неужто он боялся, что мы ее в чайхану с собой на задержание будем брать? А ведь это мысль. Нам с тобой надо было так и поступить, Бубен увидел бы ее и решил, что это ангел ему перед смертью явился. Покаялся бы бандит во всех грехах нашей стажерке под протокол. — К Стасу вернулось его обычное шутовское настроение.

У сыщиков снова появилась возможность все-таки засадить Бубна за его старые преступления.

К тому же стол полковника Крячко теперь был расчищен от бумажной горы. Готовые бумаги можно было передавать следователю. Лена постаралась на славу, кропотливо заполни-

ла каждый бланк и отчет, разложила их по папкам с делами. Стасу осталось лишь поставить свою подпись.

После доклада подчиненных Орлов согласился выделить сотрудников для наблюдения за освободившимся бандитом. В свое время он приложил много усилий, чтобы избавиться от банд и вечных войн между ними. Поэтому малейшие попытки снова открыть боевые действия в стиле девяностых годов генерал-лейтенант пресекал сурово.

Перед тем как поехать к жене в театр, Лев Иванович сделал фотографии каждой страницы дневника, чтобы вечером отдать оригинал Дарье.

Он обнаружил много тайн, скрытых на страницах, следы преступлений десятилетней давности. Но сыщик сомневался в том, что эти свои открытия нужно озвучивать сироте. Может быть, Инесса и совершала преступления, но пока это всего лишь домыслы, которые сложно доказать без улик и долгого расследования. Для своей дочери она навсегда останется идеальной матерью.

Он решил, что просто отдаст девушке дневник и не будет расстраивать ее рассказами о темном прошлом родителей. Тем более что Бубнов с дочерью не общался. Дарья сейчас может и не знать ничего о своем отце. Эта застенчивая девочка только начинала жить. Преступления родителей не придадут ей уверенности. Пусть для нее все останется в неизвестности.

Глава 4

Для Даши тот день, когда оперативники гонялись по рынку за ее отцом, оказался, как и обычно, полным неприятных событий. Она помнила о Ванькиной угрозе и пролежала всю ночь без сна, с единственной мыслью в голове. Где взять денег, чтобы отдать долг?

Исполнять его непонятную просьбу ей очень не хотелось. Что хорошее может прийти в голову этому хулигану и гопнику? Все истории, которые он ей рассказывал, были про мелкое

воровство или хулиганство, а девушке совсем не нравился такой образ жизни.

В детском доме она мечтала вернуться домой, в свою квартиру, найти интересную работу. После общения с Марией Строевой Дарья представляла в своих мечтах, что могла бы стать такой же знаменитой актрисой, блистать на сцене, получать подарки от поклонников. Еще у нее тогда будет такой же заботливый муж, важная шишка, как называли его костюмерши. Красивая одежда, шикарная машина. Ей жутко хотелось жить точно так же, не трястись вечно от холода или страха.

От бессонной ночи у нее слезились глаза, по лицу расплзлись красные пятна, а ноги были совершенно ватными.

Она кое-как смогла дойти до театра, из-за хронической бессонницы и недоедания буквально валилась с ног.

При виде ее бледного лица и распухших красных век костюмерша замахала руками и резко заявила:

— Иди домой и лечись! Нечего сопли тащить на работу. Заразишь весь театр. Не надо тебе тут торчать. Открывай в поликлинике больничный и сиди дома.

Девушка ничего не смогла возразить. Голова гудела, тело плохо слушалось ее. Ей очень хотелось снова провести время в теплой костюмерной, пообедать за одним столом с сотрудницами, словно они одна семья, услышать от актрис слова благодарности за починенные костюмы. Но спорить с костюмершей она побоялась, поэтому лишь опустила голову и потащи-лась обратно в стылую квартиру.

По дороге на глаза ей попала вывеска «Деньги до зарплаты». В голове у нее мелькнула мысль о том, что можно прямо сейчас занять небольшую сумму, чтобы успокоить Ваньку хотя бы на время. Вскоре она получит первые деньги и сразу же начнет рассчитываться с долгами.

От этого решения Даше стало немного легче. Она решительно потянула на себя металлическую дверь с яркой вывеской.

Внутри крошечного кабинетика полный высокий парень сосредоточенно смотрел на экран телефона.

Не отрывая от него взгляда, он холодно осведомился:

— Заем хотите?